

ЖЕНСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: ИНТЕГРАЦИЯ ГЕНДЕРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ ПАМЯТИ*

Статья посвящена проблеме женской социальной памяти, фиксируемой в автобиографическом дискурсе. Основное внимание уделено гендерным особенностям памяти как предмету интегративных исследований гендерной антропологии и антропологии памяти. Рассматривается вопрос о соотношении практик меморизации и социального опыта женщин. Автор приходит к выводу о функциональной связи вопросов антропологии памяти и изучения гендерных аспектов социального опыта.

Ключевые слова: *гендерная антропология, антропология памяти, женская социальная память, женская автобиографическая память, гендерные особенности памяти*

– Просто ты не привыкла жить в обратную сторону, – добродушно объяснила Королева.

– Поначалу у всех немного кружится голова...

– В обратную сторону! – повторила Алиса в изумлении. – Никогда такого не слыхала!

– Одно хорошо, – продолжала Королева. – Помнишь при этом и прошлое и будущее!

– У меня память не такая, – сказала Алиса. – Я не могу вспомнить то, что еще не случилось.

– Значит, у тебя память неважная, – заявила Королева.

– А вы что помните лучше всего? – спросила Алиса, набравшись храбрости.

– То, что случится через две недели, – небрежно сказала Королева...

Л. Кэрролл «Алиса в Зазеркалье» (Пер. Н. Демуровой)

Проблематизация памяти как междисциплинарной проблемы

Эпиграф из знаменитой книги Л. Кэрролла важен не столько ради художественного приема «жизнь в обратную сторону», которому воспоследовали авторы многих фантастических и научно-фантастических произведений, сколько ради осознания того, что память о прошлом равнозначна способности предвидеть будущее. Одни и

Белова Анна Валерьевна – д.и.н., заведующая кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32А), эксперт РАН. Эл. почта: belova_tver@rambler.ru.
Anna V. Belova – Tver State University, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. E-mail: belova_tver@rambler.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18-21 век)» (№ 19-09-00191)

те же области мозга (гиппокамп) дают возможность визуализировать перед мысленным взором как прошлое, так и будущее, совершить трансфер во времени и в прошедшее, и в предстоящее, позволяя, в конечном счете, быть дальновидными. Категории темпорального и мемориального сближаются содержательно с категориями исторического и футурологического. Не случайно, изучение ретроспективы и перспективы зачастую тесно связаны между собой и составляют суть анализа исторического процесса.

Антропологическая природа памяти не вызывает сомнений, ввиду того, что в качестве одного из компонентов психики она входит в структуру сознания человека. Это делает проблему памяти междисциплинарной – предметом изучения одновременно в рамках исследований мозга, нейрофизиологии, биохимии, психологии, педагогики, истории, культурной антропологии, антропологии памяти. Профессор когнитивной нейронауки Лондонского университета Э. Магауйр усматривает связь «автобиографических воспоминаний о личном прошлом людей и их способности представлять фиктивные и будущие сцены и события»¹, то есть считает предназначением памяти проецирование человека в будущее. Выбор оптимального образа действия из точки будущего становится обусловленным содержательными и структурными аспектами автобиографической и социальной памяти личности, что придает ее изучению особую научную значимость.

При этом в историко-этнологические исследования памяти включаются проблемы контр-памяти, забвения, борьбы за память, политик памяти, которые так или иначе представляют собой понятийный арсенал антропологии памяти, обусловленный в каждом конкретном случае специфическим историческим контекстом. Так, К.А. Агирре Рохас уделяет большое внимание мифам, формирующим историческую память нации, и полагает, что «миф национальной идентичности всегда опирался на память о войне» (*Агирре Рохас* 2016: 3–5). Отсюда, по его мнению, происходят «специфические версии войн, сражений и исторических процессов», обретающих в ряде случаев интерпретации «славных дел» в борьбе с «внутренними и внешними врагами». В то время как конструкторами доминирующей национальной «исторической памяти» являлись мужчины-историографы, женщины, как правило, становились носительницами альтернативной социальной памяти. Поэтому важно понять, каким образом данный вид памяти участвует в конструировании национальной идентичности, насколько гендерная дифференциация существенна для интерпретации общенационального исторического нарратива. Это приобретает особое значение в контексте существующего в историографии различия социальной памяти как продукта общественного воображения и профессионально написанной истории как результата деятельности ученых (*Шнирельман* 2018: 14).

Проблема меморизации культуры и социального опыта сообщества имеет ключевое значение в сохранении национального самосознания, нациестроительстве, укреплении фундаментальных основ государственности и упрочении принципов цивилизационной модели. Основы российской государственности исторически формировались в условиях родовой памяти поколений, приоритета семейной организации, широкого взаимодействия и тесного сотрудничества не только общинных объединений, но и разнообразных с возрастной, гендерной, этнической точек зре-

¹ *Hassabis D., Maguire E.* The construction system of the brain // *Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological Sciences.* 2009. Vol. 364, Issue 1521. <https://doi.org/10.1098/rstb.2008.0296>; <https://www.fil.ion.ucl.ac.uk/Maguire/> (дата обращения: 11.07.2019).

ния общественных когорт. Для российской цивилизационной модели характерно как наличие сильной общины, патриархальной большой семьи, так и высокая степень женского участия в общественно-политических и частно-правовых процессах, которое усиливалось от средневековья к новому и новейшему времени. Исторически россиянки выступали не только субъектами воспроизводства человеческого капитала, представлявшего один из возобновляемых ресурсов российской государственности, но и носительницами «ментального капитала» нации, целью поддержания которого являлась жизнеспособность общества как социальной системы.

Выявление исторического содержания, функционального предназначения и роли женской социальной памяти в аккумуляровании ключевых составляющих устойчивого цивилизационного развития семьи, государства, нации в России имперского, советского и постсоветского периодов является фундаментальной исследовательской задачей. Важно проследить механизмы преемственности консолидирующего потенциала женской социальной памяти в условиях общественно-политических катаклизмов и войн, природно-климатических бедствий и социальных потрясений, мирных будней и производительного повседневного опыта на протяжении последних трёх веков российской истории. Наряду с преобладающими тенденциями вестернизации XVIII в. и модернизации XIX в., поиска баланса традиционного общества и инновационных установок, особое значение в этой связи имеет исследование женской социальной памяти и о наиболее влиятельных событиях и процессах XX в., таких как эмиграция из России разных волн, мировые войны, массовые перемещения народов, геноциды, «холодная война», распад СССР, формирование новой российской государственности, и об обыденном, привычном, повседневном, которое всегда было фоном для событий «большого масштаба». Практики женской меморизации подлежат научной интерпретации как уникальный общественно-исторический инструмент преобразования трагических (травмирующих) опытов в конструктивную мотивацию к выживанию и дальнейшему развитию. Проблематизация многофункционального потенциала женской социальной памяти об ординарных и экстраординарных событиях, явлениях и процессах прошлого продвигает научное сообщество в изучении механизмов самоорганизации российского общества на всех уровнях выработки коллективной идентичности – семейном, поколенческом, государственном, национальном.

Научная актуальность изучения темы женской социальной памяти – её исторического содержания, многофункционального потенциала и роли в формировании коллективной идентичности на всех уровнях – семейном, поколенческом, государственном, национальном – в России в XVIII–XXI вв., а также специфики практик женской меморизации, выраженной в нарративных автодокументальных источниках, обусловлена значимостью их для понимания механизмов трансляции социокультурного опыта в межпоколенческом, синхронном и диахронном аспектах, выработки национальной идентичности, сохранения преемственности цивилизационной модели и системности общественной организации. Социальная память – мощный самозащитный механизм культуры от инокультурных и иноэтнических влияний, а также не только от вызовов извне, но и от саморазрушения; эффективный ресурс отстаивания и укрепления национальной общности и государственного единства. В условиях известной антропологической закономерности о так называемой затратности мужчин в сообществе (Арутюнов, Рыжакова 2004: 166), именно на женщин возлагалась социальная ответственность не только за возобновление утраченных

человеческих ресурсов на уровне практик деторождения, но и за воспроизводство ментального, эмоционального, интеллектуального, духовно и практически значимого наследия и опыта, выступавшего главным условием выживаемости и самосохранения сообщества. Роль женщин в противостоянии и противодействии социокультурным угрозам, инокультурной «интервенции», идеологическому экстремизму велика на протяжении имперского, советского и постсоветского периодов в истории России. «Позитивный консерватизм» женских социальных ролей, подробно представляемый женщинами – авторами нарративов, подлежит исследованию как возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы исторических наук. Фундаментальное значение проблемы женской меморизации культуры и социального опыта сообщества заключается в залоге долгосрочного развития современной российской нации. Особую актуальность исследование женской социальной памяти приобретает в области понимания, исторической рефлексии и переосмысления процессов, происходящих в обществе на протяжении жизни отдельно взятой семьи, целого поколения или, еще шире, народа от эпохи к эпохе. Изучение проблем женской меморизации позволяет понять с наибольшей достоверностью такие существенные вопросы, как изменения, происходившие в обществе, отражались на повседневных переживаниях и субъективных опытах отдельных «маленьких людей», составлявших человеческий потенциал нации, характере и способах их социализации и инкультурации. Возрастает актуальность исследований, связанных с этическими аспектами исторического развития, изменениями социальных, политических и экономических отношений, влияющих на судьбы конкретных людей, по-разному ими оцениваемыми, в том числе в национально значимых механизмах женской памяти.

Для того, чтобы выявить историческое содержание, функциональное предназначение и роль женской социальной памяти в аккумулировании ключевых составляющих устойчивого цивилизационного развития – семьи, государства, нации – в России в XVIII–XXI вв., следует решить ряд исследовательских задач: изучить комплекс факторов во всех сферах общественной жизни (экономической, политической, социальной, духовной) формирования женской социальной памяти и практик женской меморизации; уточнить содержание, формы выражения и репрезентации, типологию и разновидности женской социальной памяти; выделить основные этапы доминирования той или иной модели женской социальной памяти с учетом критериев возрастной, сословной, имущественной, этнической и др. дифференциации; исследовать факторы исторической трансформации отечественной женской социальной памяти как от эпохи к эпохе (имперской, советской и постсоветской), так и внутри каждой из эпох; определить отличительные признаки женской социальной памяти от мужской социальной памяти, проанализировать гендерные особенности практик меморизации в российском обществе разных эпох; охарактеризовать специфику устных и письменных форм женской социальной памяти, выяснить различия практик женской меморизации среди образованных и необразованных слоев россиянок; оценить историческое значение женской социальной памяти в разные эпохи российской государственности; выявить культурно-транслирующий и социально-конструирующий потенциал женской социальной памяти в сохранении национального самосознания, нациестроительстве, укреплении фундаментальных основ государственности и упрочении принципов ци-

визационной модели. Данная развернутая программа исследовательских действий предполагает комплексное изучение соответствующей проблематики, осуществить которое предполагается в рамках работ по проекту РФФИ №19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18-21 век)».

Цель данной статьи – проблематизировать женскую социальную память, фиксируемую в автобиографическом дискурсе, как предмет интегративных исследований гендерной антропологии и антропологии памяти. «Гендерные особенности запоминания и исторической памяти, с одной стороны, выявляли отличия женских жизненных опытов и социальных практик от мужских, вносящих коррективы в структуру традиционных гендерных ожиданий и систему гендерных отношений, с другой, – позволяли в ряде случаев переосмыслить имеющийся опыт семейных взаимодействий, играли важную роль в трансформации гендерных идентичностей, прежде всего женской» (Белова 2019: 268). Целесообразным представляется изучение данной проблематики на источниковом материале российского дворянского сообщества ввиду существовавшего в нем выраженного этоса, механизмов самоорганизации и саморегуляции, зафиксированных автодокументальной традицией. Историческая память семьи, транслируемая в мемуарах дворянок, становится системообразующим дискурсом в повседневной жизни дворянской семьи, в организации внутрисемейных связей в синхронном и диахронном аспектах и конструировании статусных и властных иерархий.

Материнская идентичность в структуре индивидуальной и коллективной памяти

Обращение к проблеме гендерных аспектов социальной памяти позволяет исследовать динамику изменений женской дворянской идентичности в её разнообразных проявлениях во время вынашивания многочисленных беременностей, родов и послеродового ухода за детьми нескольких поколений матерей на протяжении полутора веков существования Российской империи до эпохи буржуазной модернизации. Историографические аспекты корреляции материнской темы и проблемы памяти намечены как значимые в контексте социальной истории, исторической этнологии, истории повседневности (Пушкарева, Белова, Мицюк, Громова 2018: 289–311).

По сравнению с другими аспектами женской социальной памяти беременность слабо репрезентирована автодокументальной традицией. В лучшем случае о ней просто упоминалось в письмах и мемуарах, в большинстве же текстов она вообще игнорировалась и сразу констатировался факт рождения ребенка. О том же, чтобы специально описывать свои переживания или изменения самочувствия, связанные с беременностью, за редчайшим исключением (А.П. Керн, А.Г. Достоевская), речи не шло вовсе.

Репрезентация беременности в иконографии, запускавшей механизм воспоминаний, – также явление уникальное¹, встречаемое только в 10-е гг. XIX в. в рамках направления, условно называемого «наивным реализмом» (термин М.В. Алпатова) (*Из истории реализма в русской живописи* 1982: 12). Одно из объяснений этому может быть связано с выводом Я.В. Брука об отсутствии в русском искусстве

¹ См.: Оливье (?). Художник первой половины XIX века. Портрет семьи Бенуа. Около 1816 (*Из истории реализма в русской живописи* 1982: № 60).

XVIII в. «аристократического жанра» (Брук 1990: 105) как отражения дворянской повседневности. Индивидуальные же портреты, которые, по словам Брука, – «почти в той же мере привилегия дворянства, что и жалованные ему вольности» (Брук 1990: 105), не позволяют судить о беременности изображенных на них женщин. Очевидно, состояние беременности не соответствовало ожидаемой от дворянского портрета «способности принимать репрезентативный характер» (Брук 1990: 105). Не случайно семейный портрет, на котором около 1816 г. запечатлена беременной Екатерина Андреевна Бенуа, был охарактеризован впоследствии ее знаменитым внуком, А.Н. Бенуа, как написанный «каким-то “другом дома”» и, потому, как «совершенно любительское произведение» (*Из истории реализма в русской живописи* 1982: № 60), а не официальный парадный портрет, создаваемый специально приглашенным мастером. Другое из возможных объяснений состоит в том, что, вероятно, и внутренние интенции женщин препятствовали визуальному закреплению образа беременности. Т.Б. Щепанская считает «запреты на фиксацию облика беременной» традиционными и действующими по сей день (одно из проявлений в современной версии – «запрет фотографировать беременную»), усматривая в них определенные культурные предписания (Щепанская 2001: 253).

Причины всего этого могут быть следующими. С одной стороны, сами женщины на фоне часто (в некоторых случаях, постоянно) повторявшихся беременностей не усматривали в них явления, «выпадающего из ряда», и, потому, не считали нужным специально его описывать, воспринимали как своего рода издержки женской биографии, не заслуживающие запечатления в тексте. Кроме того, даже рефлексующие дворянки были эссенциалистками, разделявшими идею «призвания» женщины как материнских обязанностей, «которые предназначены природой ей самой» (*Письмо Н.Н. Пушкиной-Ланской* 1990: 104–105). Именно ввиду регулярной повторяемости беременностей дворянские женщины могли не придавать им особого ценностного значения по сравнению с другими, реже переживавшимися, физиологическими и психологическими состояниями. Беременность, неоднократно возобновлявшаяся в течение репродуктивного периода жизни дворянок, превращалась из локализованного во времени аспекта в своего рода «контекст» женской повседневности, в антропологический фон бытия «по умолчанию», акцентировать внимание на котором противоречило тогдашнему канону письма. Вероятно, в этом случае немногие описания собственных беременностей и родов можно считать проявлениями «женского письма», в значении Э. Сиксу, как преодоления стереотипов и канонов, как «прорыва» к своей телесности и эмоциональности, как попытки озвучить себя на «языке» тела. Женщина, по словам Э. Сиксу, «должна описывать себя, поскольку это есть акт изобретения *нового мятельного письма*, которое в момент прихода ее освобождения позволит ей завершить необходимый прорыв, трансформировать собственную историю. <...> Описывая себя, женщина вернется к собственному телу... Пишите самое себя. Ваше тело должно быть услышано. Только тогда неистощимые запасы бессознательного выплеснутся наружу. <...> ... родится текст, прописанный ее собственным языком. <...> Женский текст – это больше, чем просто разрушение устоев. Это вулкан: когда он написан, он срывает кору старого наследия маскулинной культуры...» (Сиксу 2001: 804, 805, 814). Тем самым память, воплощенная в женском автобиографическом нарративе, становится языком тела. Память тела в антропологическом смысле может пониматься не только как следы инициаций в виде шрамов, маркирования сопричастности в виде татуиро-

вок и коррекции, но и мышечная память пережитых социальных опытов, память позы, жеста, любого телесного выражения или движения. Фиксация на письме пережитого опыта способна пробудить в теле по прошествии времени некогда испытанные ощущения. Память родовой боли вряд ли относится к тем телесным ощущениям, которые хочется мысленно воссоздать или пережить заново.

С другой стороны, наоборот, дворянки могли, следуя безотчетным интенциям, табуировать беременность, что мне представляется, исходя из анализа субъективных источников, в меньшей степени вероятным. Т.Б. Щепанская, напротив, применительно к современной культуре, настаивает на «табу на вербализацию этого опыта» (Щепанская 2001: 253). Складывается впечатление, что российские дворянки XVIII – середины XIX в. просто старались «не замечать» своих беременностей, понимая, что это состояние, как и сопряженные с ним физические и, часто, моральные страдания – неизбежность. Интересное заключение в отношении наших современниц предложено Т.Б. Щепанской, утверждающей, что, в силу действующих культурных предписаний, женщины избегают включения беременности и родов в опыт собственной идентичности (Щепанская 2001: 253). Тем более не случайно «кавалерист-девица» Надежда Дурова (1783–1866), озвучившая в дворянской автодокументальной¹ традиции «отвращение к своему полу» (Дурова 1988: 34), совершенно «забыла» упомянуть не только о собственном замужестве и уходе от мужа, но и о вынашивании и рождении сына², а также о своем отношении к нему. При этом она подробно описала укладывавшиеся в ее «картину мира» беллетризованные переживания беременности своей матери. Подобная аберрация является одним из подтверждений приводимого Л. Нитхаммером со ссылкой на предшественника и теоретика изучения долгосрочной памяти М. Хальбвакса (Хальбвакс 2007: 336) предположения «о способности человека вспоминать то, что было давно», как «реконструировании прошлого с помощью информации, доступной на сегодняшний день, сегодняшних толкований и сегодняшних общественных установлений» (Нитхаммер 2012: 18). При этом и тот, и другой ученый с учетом временной и дискурсивной специфики воспринимают, говоря словами Л. Нитхаммера, гендер как «особо важный дифференциал» (Нитхаммер 2012: 437) при изучении памяти.

Вопрос еще и в том, как осознавали дворянки физиологические сложности вынашивания беременности и «муки родов», поскольку словом «страдания» в дневниках и мемуарах (Н. Долгорукая, Е.Р. Дашкова, М.Н. Волконская, А.П. Керн, А.Г. Достоевская) чаще обозначались травмирующие душевные переживания, а не физическая боль. Будучи и в детстве, и в девичестве приучаемы к терпеливому перенесению боли, возможно, некоторые из них и могли быть к ней психологически менее чувствительны, однако это не означает, что деторождение становилось настолько неощутимым опытом, чтобы не уподоблять его «женской инициации» в мифологии жизненного пути дворянской женщины.

На основе анализа исторических источников разных типов (визуальных и письменных) и видов (преимущественно личного происхождения, с привлечением литературных, законодательных, делопроизводственных материалов) можно подтвердить

¹ Не стоит при этом забывать о специфичности произведения Н.А. Дуровой «Кавалерист-девица» (1836), которое Э. Шоре называет «квазиавтобиографическим», относящимся к традиции литературы амазонок. См.: Cheauré E. 2005: 250.

² В октябре 1801 г. Н.А. Дурова была обвенчана в Вознесенском соборе города Сарапула с чиновником 14 класса В.С. Черновым, а в январе 1803 г. там же состоялось крещение их сына Иоанна. См.: Кавалерист-девица Н.А. Дурова в Елабуге 2003: 38.

научную гипотезу о том, что переход к осознанному материнству и формирование материнской идентичности как одного из аспектов конструкта нарративной женской идентичности происходили под влиянием корреляции усвоенных культурных мифологем и личных пережитых опытов одновременно с обретением гендерной идентичности и личностной самодостаточности, социально-психологических навыков отстаивания собственного «Я». Важность этих изменений обусловила иное отношение к материнству (или сознательный отказ от него) поколения т.н. «новых женщин» эпохи буржуазной модернизации России и актуализации «женского вопроса». Фиксация и закрепление материнской идентичности в автобиографической памяти носили сложный характер, не всегда полностью соотносимый с социальными ожиданиями от женщин, хотя и формируемый под их непосредственным влиянием.

Гендерные особенности исторической памяти

Изучение гендерных особенностей исторической памяти (*Иванова 1999; Рингельхайм 2000; Пушкарева 2001; Иванова 2003; Пушкарева 2007*) представляет бесспорный научный интерес для проникновения в механизмы меморизации и выяснения их роли в конструировании нарративной идентичности личности. Не вызывает сомнений, что лишь по прошествии времени можно целостно и концептуально осмыслить прожитые годы, сделать выводы о логике жизненного пути и целесообразности встречавшихся на нем перепитий. Проблематизация гендерных особенностей запоминания и исторической памяти позволяет выявить отличия женских жизненных опытов и социальных практик от мужских (*Белова 2014: 42–50; Белова 2012: 45–48*), понять коррективы, вносившиеся в структуру традиционных гендерных ожиданий и систему гендерных отношений, переосмыслить в ряде случаев имеющийся опыт межличностных взаимодействий, игравших важную роль в трансформации гендерных идентичностей, прежде всего женской.

Женские мемуары российского зарубежья являются репрезентативными источниками по истории памяти об эмиграции и социокультурной адаптации к новым условиям. Важно учитывать особый экспрессивный характер этих воспоминаний, ввиду соотнесения личной истории с общественным сломом и осознания мотивов происходящих жизненных коллизий как во многом не зависящих от воли самих действующих субъектов (*Якобсон 2004: 237*). Один из наиболее характерных примеров таких мемуаров – воспоминания Елены Александровны Якобсон (1913–2002), без которой, по словам автора сопроводительной статьи к ним Л. Оболенской-Флам, «трудно представить себе русский Вашингтон» (*Оболенская-Флам 2004: 5*). С первых строк она сознается, что большую часть взрослой жизни считала себя «жертвой истории», попавшей в «вдоворот событий», поглотивших Россию (*Якобсон 2004: 11*).

Происходя по материнской линии из рода дворян Волковых, урожденная Елена Жемчужная начала жизнь «по обычаю женщин» дворянского «круга»: в этом сценарии на протяжении имперского периода мало что менялось. Родившуюся в Санкт-Петербурге дочь мать-дворянка вскоре отвезла в имение «воронежских родственников», где в «помещичьем доме» оставила «на попечение» няни-крестьянки (*Якобсон 2004: 13*). Будущая первооткрывательница передач русской службы радиостанции «Голос Америки», заведующая кафедрой славянских языков и литератур Университета имени Дж. Вашингтона усвоила все атрибуты детства девочки в дворянской семье (*Белова 2000:*

32–44) – от тугого пеленания, нянинных историй и сказок, «грустных крестьянских песен» и «первых молитв» до «накрахмаленных платиц с оборками», «кудрей» и «лент» (Якобсон 2004: 13–14). Особо она считает необходимым отметить спустя много лет меры дисциплинирующей педагогики, налагавшей сословные и гендерные ограничения: «не разрешалось играть во дворе с детьми слуг или бегать по комнатам огромного дома» (Якобсон 2004: 14). И даже эпизодические визиты «эмансипированной» матери, разрешавшей «побегать и поиграть с другими детьми», не отменяли восстановления прабабушкой «прежних норм поведения» (Якобсон 2004: 14).

Е.А. Якобсон осознает пересечение общественной и личной истории как крушение дворянской повседневности: «революция 1917 года и большевистский переворот пошатнули тот привычный мир привилегированного образа жизни и хороших манер, мир, в котором я родилась...» (Якобсон 2004: 11). Исследование гендерных особенностей исторической памяти об эмиграции и социокультурной адаптации представляется целесообразным именно на источниковом материале российского дворянского сообщества ввиду существовавшего в нем выраженного этоса (Белова 2000: 32–44), механизмов самоорганизации и саморегуляции, зафиксированных автодокументальной традицией (Белова 2014: 43). Историческая память семьи, транслируемая в мемуарах дворянок, становится системообразующим дискурсом в повседневной жизни дворянской семьи, в организации внутрисемейных связей в синхронном и диахронном аспектах и конструировании статусных и властных иерархий. И вместе с тем именно дворянское сообщество вынуждено было справляться с новыми общественными вызовами и находить способы включения этих переживаний в опыты индивидуальной и коллективной идентичностей.

Воспоминания Е.А. Якобсон о трагических перипетиях в истории «родной России» написаны, вопреки в целом пессимистической женской автодокументальной традиции, из позиции человека, профессионально и лично состоявшегося, научившегося «жить собственной жизнью» (Якобсон 2004: 244). Предназначение своих мемуаров она видит в своеобразном пособии по адаптации «вновь приезжих» представителей эмиграции, востребованности обретенного ею собственного опыта аккультурации в колониальном Китае и в США.

Наиболее парадоксальный вывод Е.А. Якобсон касается того, что не существует прямой зависимости между общественно-историческим благополучием и успешной личностной самореализацией: «...пережив войны, революции и общественные перевороты и наблюдая за сегодняшними поворотами колеса истории, я считаю, что от русской катастрофы я не столько пострадала, сколько выиграла. В той старой России меня бы подобающе воспитали и образовали для устоявшегося стиля жизни русского дворянства. Исторические события разрушили привычные устои и предоставили мне возможность стать кем-то другим – самой собой» (Якобсон 2004: 12). Катаклизмы национальной истории, выход из инерции семейного и родового быта, вынужденная эмиграция осмыслились в контексте исторической памяти как важные факторы женской личностной эмансипации.

По словам Е.А. Якобсон, «работа над «моей историей» оказалась увлекательным занятием, открывшим мне глаза на многое. До тех пор я никогда не думала о том, насколько тесно мое прошлое связано с моим настоящим и насколько оно определяет мое будущее» (Якобсон 2004: 10). Эти слова мемуаристки поразительным образом совпадают с интенцией как провидческих метафор Л. Кэрролла, так и научных вы-

водов Дж. Рингельхайм¹ и Э. Магуайр. Анализ подобных утверждений мемуаристики важен для интерпретации исторической основы происходящих в современном мире трансформаций практик меморизации как одного из ресурсов укрепления общегражданской идентичности.

Таким образом, концептуализация женской социальной памяти российского дворянства расширяет предмет изучения гендерной антропологии, позволяет осмыслить современные тенденции этнологического знания, обозначить пространство пересечения ее с антропологией памяти. Как важнейшее свойство мозга память аккумулирует социальный и культурный опыт сообщества с целью обеспечить его выживаемость в будущем. Гендерная специфика механизмов автобиографической и социальной памяти является существенной составляющей функциональной связи вопросов антропологии памяти и изучения гендерных аспектов социального опыта. Вне гендерных коннотаций исследования памяти вряд ли могут носить достоверный характер, что очевидно как нейробиологам и психологам, так и историкам и этнологам.

Материалы и источники

- Дурова* 1988 – *Дурова Н.А.* Кавалерист-девица. Происшествие в России // Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы / сост., вступ. ст. и примеч. В.Б. Муравьева. М.: Моск. рабочий, 1988. 575 с. (Библиотека «Московского рабочего»). С. 25–255.
- Оливье* 1982 – *Оливье (?)*. Художник первой половины XIX века. Портрет семьи Бенуа. Около 1816 // Из истории реализма в русской живописи: Альбом / сост.: К.В. Михайлова, Г.В. Смирнов, З.П. Челюбеева; вступ. ст. М.В. Алпатова, введ. и аннот. К.В. Михайловой, Г.В. Смирнова. М.: Изобразительное искусство, 1982. 212 с. № 60.
- Письмо Н.Н. Пушкиной-Ланской* 1990 – Письмо Н.Н. Пушкиной-Ланской к П.П. Ланскому от 13/25 июля 1851 г. // Наше наследие. 1990. № III (15). С. 104–105.
- Якобсон* 2004 – *Якобсон Е.А.* Пересекая границы: Революционная Россия – Китай – Америка: Пер. с англ. М.: Русский путь, 2004. 272 с., ил. С. 8–244.

Научная литература

- Агирре Рохас К.А.* Память, контр-память и забвение: борьба за память в Мексике 2016 года // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: мат-лы междунауч. конф. 3–4 октября 2016 / под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой. М.: Аквилон, 2016. 474 с. С. 3–5.
- Арутюнов С.А., Рыжакова С.И.* Культурная антропология. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. 216 с. (Серия «Аудитория»).
- Белова А.В.* Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: «корневое» и «иноземное» // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: Научно-методический сборник / отв. ред. В.И. Успенская. Тверь: ТвГУ, ЦЖИГИ, 2000. 172 с. С. 32–44.
- Белова А.В.* Женская социальная память как предмет изучения гендерной антропологии // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред. М.Ю. Мартынова. Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 516 + LV с. С. 268–269.
- Белова А.В.* Женский автодокументальный дискурс в источниках личного происхождения XVIII – середины XIX в. // Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения медиевистов А.Я. Гуревича и М.М. Фрейденберга (г. Тверь,

¹ «...прошлое есть будущее» (Рингельхайм 2000: 270).

- 30–31 мая 2014 г.) / отв. редактор Н.В. Середа. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. 240 с. С. 42–50.
- Белова А.В.* Источники по изучению женской и мужской повседневности: содержательные и дискурсивные отличия // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г., Тверь: в 2 т. / отв. ред. А.В. Белова, Н.Л. Пушкарева. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 1. С. 45–48.
- Брук Я.В.* У истоков русского жанра. XVIII век. М.: «Искусство», 1990. 268 с.
- Иванова Е.Ф.* О гендерных особенностях памяти // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 242–252.
- Иванова Е.Ф.* Память об исторических событиях (на материале Холокоста): гендерный аспект // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / под ред. Н.Л. Пушкаревой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 528 с. С. 217–234.
- Из истории реализма в русской живописи: Альбом / сост.: К.В. Михайлова, Г.В. Смирнов, З.П. Челюбеева; вступ. ст. М.В. Алпатова, введ. и аннот. К.В. Михайловой, Г.В. Смирнова. М.: Изобразительное искусство, 1982. 212 с.
- Бегунова А.И.* (автор-сост.) Кавалерист-девица Н.А. Дурова в Елабуге. М.: Рейттар, 2003.
- Нитхаммер Л.* Вопросы к немецкой памяти: Статьи по устной истории / пер. с нем. М.: Новое издательство, 2012. 536 с. (А).
- Оболенская-Флам Л.* О Е.А. Якобсон // Якобсон Е.А. Пересекая границы: Революционная Россия – Китай – Америка: Пер. с англ. М.: Русский путь, 2004. 272 с., ил. С. 5–7.
- Пушкарева Н.Л.* Андрогинна ли Мнемозина? (Гендерные особенности запоминания и исторической памяти) // Сотворение истории. Человек – память – текст: Цикл лекций / науч. ред. Л.П. Репина; отв. ред. Е.А. Вишленкова. Казань: Мастер Лайн, 2001. 454 с. С. 274–304.
- Пушкарева Н.Л., Белова А.В., Мицюк Н.А., Громова А.И.* Материнская идентичность, семейная и коллективная память о «женском предназначении» в России: историографические наблюдения // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с. С. 289–311.
- Пушкарева Н.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя; АНО «Женский проект СПб», 2007. 496 с. (Серия «Гендерные исследования»).
- Рингельхайм Дж.* Женщины и Холокост: переосмысление исследований // Антология гендерной теории. Сб. пер. / сост. и коммент. Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. Мн.: Пропилеи, 2000. 384 с. С. 254–279.
- Сиксу Э.* Хохот Медузы // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. 991 с. С. 799–821.
- Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с. (А).
- Шнирельман В.А.* Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с. С. 12–34.
- Щепанская Т.Б.* К этнокультуре эмоций: испуг (эмоциональная саморегуляция в культуре материнства) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / сост. Е.А. Белоусова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2001. 319 с. (Серия «Традиция–текст–фольклор»). С. 236–265.
- Cheauré E.* Der “fremde Mann”: Identitäts- und Alteritätsdiskurse bei Elena Gan und Nadežda Durova. Die Erzählungen Džžalaledin (1838) und Das Spiel des Schicksals oder Die gesetzwidrige Liebe (1839) // Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland / Hrsg. von E. Cheauré, R. Nohejl und A. Napp. Würzburg: ERGON Verlag, 2005. 553 S. zahlr. Abb. (Identitäten und Alteritäten, Bd. 20). S. 243–261.

References

- Aguirre Rojas, C.A. 2016. Pamiat', kontr-pamiat' i zabvenie: bor'ba za pamiat' v Meksike 2016 goda [Memory, Counter-Memory and Oblivion: The Fight for Memory in Mexico 2016]. In

- Istoriia, pamiat', identichnost': teoreticheskie osnovaniia i issledovatel'skie praktiki: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 3–4 oktiabria 2016*, edited by O.V. Vorob'eva, O.B. Leont'eva, S.I. Malovichko, and M.F. Rumiantseva, 3–5. Moscow: Akvilon.
- Arutiunov, S.A., and S.I. Ryzhakova. 2004. *Kul'turnaia antropologiiia* [Cultural Anthropology]. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' Mir". 216 p. (Seriiia "Auditoriiia").
- Belova, A.V. 2000. Domashnee vospitanie russkoi provintsial'noi dvorianki kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX v.: "kornevoe" i "inozemnoe" [Home education of the Russian provincial noblewoman of the end of the XVIIIth – first half of the XIXth century: "root" and "foreign"]. In *Zhenskii i gendernye issledovaniia v Tverskom gosudarstvennom universitete: Nauchno-metodicheskii sbornik*, edited by V.I. Uspenskaia, 32–44. Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet.
- Belova, A.V. 2019. Zhenskaia sotsial'naia pamiat' kak predmet izucheniia gendernoii antropologii [Women's social memory as a subject of study of gender anthropology]. In *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov*. Kazan', 2–6 iulia 2019 g., edited by M. Yu. Martynova, 268–269. Moskva; Kazan': IEA RAN, KFU, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. 516 + LV p.
- Belova, A.V. 2014. Zhenskii avtodokumental'nyi diskurs v istochnikakh lichnogo proiskhozhdeniia XVIII – serediny XIX v. [Women's autodocumentary discourse in sources of personal origin of the XVIIIth – the middle of the XIXth century]. In *Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniia v teorii i praktike nauchnykh issledovaniia: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiiu so dnia rozhdeniia medievistov A. Ya. Gurevicha i M.M. Freidenberga (g. Tver', 30–31 maia 2014 g.)*, edited by N.V. Sereida, 42–50. Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet. 240 p.
- Belova, A.V. 2012. Istochniki po izucheniiu zhenskoi i muzhskoi povsednevnosti: sodержatel'nye i diskursivnye otlichiiia [Sources for the study of women's and men's everyday life: meaningful and discursive differences]. In *Zhenshchiny i muzhchiny v kontekste istoricheskikh peremen: materialy Piatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IEA RAN, 4–7 oktiabria 2012 g., Tver': v 2 t.*, edited by A.V. Belova, N.L. Pushkareva, Vol. 1: 45–48. Moscow: IEA RAN. 527 p.
- Bruk, Ya.V. 1990. *U istokov russkogo zhanra. XVIII vek* [At the root of the Russian genre. XVIII century]. Moscow: "Iskusstvo". 268 p.
- Ivanova, E.F. 1999. O gendernykh osobennostiakh pamiati [About gender features of memory]. In *Gendernye issledovaniia* 3: 242–252.
- Ivanova, E.F. 2003. Pamiat' ob istoricheskikh sobytiiax (na materiale Kholokosta): gendernyi aspekt [The memory of historical events (on the material of the Holocaust): gender aspect]. In *Sotsial'naia istoriia. Ezhegodnik, 2003. Zhenskaia i gendernaia istoriia*, edited by N.L. Pushkareva, 217–234. Moscow: "Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia" (ROSSPEN). 528 p.
- Ivanova, E.F. 1982. *Iz istorii realizma v russkoi zhivopisi: Al'bom* [From the history of realism in Russian painting: Album], edited by K.V. Mikhailova, G.V. Smirnov, Z.P. Cheliubeeva; vstupitel'naya stat'ya M.V. Alpatov, vvedenie i annotatsiya K.V. Mikhailov, and G.V. Smirnov. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 212 p.
- Ivanova, E.F. 2003. *Kavalerist-devitsa N.A.Durova v Elabuge* [Cavalry-maid N.A.Durova in Yelabuga], edited by A.I. Begunova. Moscow: Reittar, 176 p., il.
- Niethammer, L. 2012. *Voprosy k nemetskoii pamiati: Stat'i po ustnoi istorii* [Questions to the German memory: Articles on oral history] / perevod s nemetskogo. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 536 p. (A).
- Obolenskaya-Flam, L. 2004. O E.A. Yakobson [About E.A. Jacobson]. In Yakobson E.A. *Peresekaya granitsy: Revoliutsionnaya Rossiia – Kitai – Amerika: perevod s angliiskogo*, 5–7. Moscow: Russkii put'. 272 s., il.
- Pushkareva, N.L. 2001. Androginna li Mnemozina? (Gendernye osobennosti zapominaniia i istoricheskoi pamiati) [Is Mnemosyne Androgynous? (Gender features of memorization and historical memory)]. In *Sotvorenie istorii. Chelovek – pamiat' – tekst: Tsikl lektsii*, edited by L.P. Repina, and E.A. Vishlenkova, 274–304. Kazan': Master Lain. 454 p.

- Pushkareva, N.L., A.V. Belova, N.A. Mitsiuk, and A.I. Gromova. 2018. Materinskaya identichnost', semeinaya i kollektivnaya pamiat' o "zhenskom prednaznachenii" v Rossii: istoriograficheskie nabliudeniia [Maternal identity, family and collective memory of "women's destiny" in Russia: historiographic observations]. In *Istoricheskaya pamyat' i rossiiskaya identichnost'*, edited by V.A. Tishkov, E.A. Pivneva, 289–311. Moscow: RAN. 508 p.
- Pushkareva, N. 2007. *Gendernaia teoriia i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge]. St. Petersburg: Aleteiia; ANO "Zhenskii proekt SPb". 496 s. (Seriiia "Gendernye issledovaniia").
- Ringelheim, J. 2000. Zhenshchiny i Kholokost: pereosmyslenie issledovaniia [Women and the Holocaust: Rethinking Research]. In *Antologiya gendernoi teorii. Sb. per.*, edited by E.I. Gapova i A.R. Usmanova, 254–279. Minsk: Propilei. 384 p.
- Cixous, H. 2001. Khokhot Meduzy [The Laugh of the Medusa]. In *Vvedenie v gendernye issledovaniia. Pt. II: Khrestomatiya*, edited by S.V. Zherebkin, 799–821. Khar'kov: KhTsGI; St. Petersburg: Aleteiia. 991 p.
- Halbwachs, M. 2007. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social memory framework]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 348 p. (A).
- Shnirel'man, V.A. 2018. Sotsial'naia pamiat': voprosy teorii [Social memory: theory questions]. In *Istoricheskaya pamyat' i rossiiskaya identichnost'*, edited by V.A. Tishkov, E.A. Pivneva, 12–34. Moscow: RAN. 508 p.
- Shechepanskaya, T.B. 2001. K etnokul'ture emotsii: ispug (emotsional'naia samoregulatsiia v kul'ture materinstva) [To the ethnoculture of emotions: fear (emotional self-regulation in the culture of motherhood)]. In *Rodiny, deti, povitukhi v traditsiakh narodnoi kul'tury*, edited by E.A. Belousova, and S. Yu. Nekliudov, 236–265. Moscow: RGGU. 319 p. (Seriiia "Traditsiia–tekst–fol'klor").

A.V. Belova. Women's Social Memory: Integration of gender anthropology and anthropology of memory

The article is devoted to the problem of women's social memory, recorded in the autobiographical discourse. The main attention is paid to the gender differences in memory as a subject of integrative studies of gender anthropology and anthropology of memory. The article discusses the relationship between the practice of memorization and social experience of women. The author concludes that there is a functional relationship between the anthropology of memory and the study of the gender aspects of social experience.

Key words: *gender anthropology, anthropology of memory, women's social memory, women's autobiographical memory, gender differences in memory*